

Вперед в прошлое

Человек в черном кимоно, с дымящейся толстой короткой трубкой во рту задумчиво бродит по дому, над которым беспокойно витает дух последнего российского императора Николая II...

Тот же человек, но уже в котелке и длинном сером сюртуке, сшитом по моде позапрошлого века, с тростью в руках не менее задумчиво посасывает ту же трубку, но увенчанную длинным мундштуком. Новый, партикулярный, образ хозяина квартиры заметно умиротворяет дух императора. А вот Казанова и доктор Песте, неизменные герои комедии дель арте, комедии масок — любимого итальянцами площадного театра импровизаций, — взирают на пространственно-временную трансформацию без особого удивления. Они на своем веку повидали еще и не такое, гораздо больше, чем языческая нечисть, что пялится с соседних полок.

Неподготовленный человек, случайно оказавшийся в квартире художника Игоря Сакурова, без особых усилий путешествующего по культурным эпохам и континентам, пережил бы самый настоящий шок. Был бы чрезвычайно поражен и бывший владелец дома, ярославский купец, который, согласно городским легендам, принимал у себя в доме Николая II. Император Российской империи — это еще куда ни шло, но японцы, итальянцы в сочетании с лешими и домовыми — это уже, батенька, явный перебор...

Выпускник Ярославского художественного училища Сакуров решил не останавливаться на достигнутом и поступил на факультет художественно-технологического оформления печатной продукции Московского полиграфического института (ныне Московский университет печати им. Ивана Федорова). Учился в мастерской известного графика, иллюстратора, живописца А. А. Ливанова.

Уже через два года после окончания МПИ Игоря Анатольевича приняли в Союз художников России. Но он тогда еще не подозревал, что Господь не случайно наградил его фамилией, созвучной с национальным символом Японии (в древности перед храмами высаживались аллеи из сакуры, священного дерева, цветы которого считались обиталищем душ предков; цветение сакуры было символом быстротечности жизни).

На протяжении последних пятнадцати лет, то есть с середины 1990-х, Сакуров активно сотрудничает в качестве книжного иллюстратора с престижными столичными издательствами «Детская литература», «ОЛМА», «Дрофа», «Белый город», «Захаров» и другими, а также с ярославскими издательствами «Издатель Александр Рутман», «Нюанс», «Академия развития» и т. д. И книги, на которых стоит имя художника, — отечественные и мировые шедевры: «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя, «Белый клык» Джека Лондона, «Два капитана» Вениамина Каверина.

Художник Игорь Сакуров и писатель Борис Акунин за обсуждением очередного проекта

— Не секрет, что далеко не каждая книжка нуждается в иллюстрировании, — говорит Сакуров. — Мне кажется полным нонсенсом иллюстрировать «Братьев Карамазовых» Достоевского. Или «Улисс» Джойса. Как вы себе это представите? Да никак, по моему. Как невозможно проиллюстрировать и многие другие классические «статичные» произведения, где все происходит не на уровне действия. Рисунки в данном случае только мешали бы восприятию читателя. Разве придумать какой-то очень свежий ход... А иллюстрировать приключения, экшн очень интересно. Здесь есть возможность продемонстрировать какие-то реалии — культурные, бытовые — тех времен, тех народов, тех ситуаций, о которых повествует автор. Это страшно интересно.

Судьбоносным для Игоря Сакурова можно назвать 2005 год, когда произошло его

знакомство с Г.Ш.Чхартишвили. Выпускник историко-филологического отделения Института стран Азии и Африки, историк-японист, переводчик, литературный критик, Григорий Шалвович Чхартишвили в сорок лет вдруг начал писать прозу. Собственно, личностью он был уже состоявшейся: имел «на счету» блестящие переводы современных классиков японской, английской и американской литературы; работал заместителем главного редактора журнала «Иностранная литература», председателем правления мегапроекта «Пушкинская библиотека» и т. д. Полагаем, не от стыда, а совсем по иным соображениям проза, выходящая из-под пера Чхартишвили, публикуется под псевдонимом Борис Акунин. Критические и документальные работы автор по-прежнему печатает под своим настоящим именем.

Варианты обложки для сборника рассказов и повестей о приключениях Э. Фандорина

К художественным произведениям Бориса Акунина отношение очень разное. Одни считают, что не к лицу интеллектуалу писать подростковые приключенческие романы. Другие недоумевают: зачем тратить время на создание стилизаций максимум «под Достоевского», минимум — под разнокалиберных беллетристов XIX века. Третьи преклоняются перед создателем литературного героя, с конца 1990-х успешно соперничающего в борьбе за внимание российского читателя со знаменитым Шерлоком Холмсом. Да-да, преклоняются и зачитываются акунинскими произведениями до умопомрачения, фанатеют, скупая каждую новую книгу в тот же день, как она ложится на прилавки книжных магазинов, тусуются на сайтах Бориса Акунина и его героя Эраста Фандорина. Иной рафинированный читатель в недоумении пожмет плечами: невежды! Но почему тогда один из ведущих телеканалов страны год назад в День независимости России с утра до вечера «крутил» фильмы, снятые по романам Бориса Акунина? Значит, не породила отечественная литература в последние десятилетия иного героя, столь же яркого носителя идеи государственности, патриотизма? Впрочем, и самые непримиримые критики вынуждены признать, что «интеллектуальный детектив» Акунина принят на российской почве очень хорошо.

Игорь Сакуров познакомился с Борисом Акуниным через Интернет: послал уже из-

Форзац для серии книг о Карташе Александра Бушкова

вестному писателю собственные иллюстрации к роману о Фандорине. Вероятно, тот счел добрым предзнаменованием не только профессиональную графику ярославского художника, точно соответствующую образному строю прозаика, но и судьбоносную фамилию. С тех пор писатель и иллюстратор его книг не расставались.

Потомственный дворянин. В 1899 году в Бостоне прошел экстерном курс инженера-механика. Тема дипломной работы — идея вседорожного мототрипеда. В совершенстве владеет английским, французским, немецким, японским, турецким и... игрой в нарды. Без всякой протекции прошел путь от коллежского регистратора до статского советника. Участник Русско-турецкой войны. Кавалер российских и японского орденов... Таков послужной список Эраста Петровича Фандорина, созданного фантазией Бориса Акунина. Сей brutally-интеллектуальный набор оказался универсальным — не в нем ли секрет необычайной популярности героя, преданно служащего отечеству и еще некоему только ему ведомому идеалу.

Однако только в Ярославле, в небольшом особнячке XVIII века на Которосльской набережной, благодаря Сакурову, произошло визуальное рождение этого чертовски обаятельного и столь же таинственного господина.

— В детстве я, как и многие мальчишки, зачитывался «Библиотекой приключений» —

Иллюстрации И. Сакурова
к детским изданиям

увесистыми томиками, иллюстрированными выразительными картинками, — рассказывает Игорь Сакуров. — Картинками этими я не только подолгу любовался, но даже копировал их, выжигал на дощечке. А когда вырос... просто попытался претворить свою детскую мечту в жизнь. Мечты сбываются!

Впрочем, с акунинскими романами и самим господином Эрастом Петровичем Фандориным оказалось не все так просто. Иллюстратору пришлось с головой погрузиться в изучение культуры XIX века. Они действительно нашли друг друга — Борис Акунин и Игорь Сакуров. Свидетельством тому дотошное внимание к мельчайшим деталям быта ушедшей эпохи. В ход при этом идет все — бабушкино наследство, театральные реквизиты, пропахшее нафталином старье из полузабытых чемоданов друзей и знакомых, собственная мебель, артефакты, привезенные Сакуровым из зарубежных поездок, включая нежнейший веер, итальянские театральные маски, самурайский меч в матово светящихся черных ножнах, макет кольца сорок пятого калибра, точно такого же, из каких палили герои американских вестернов.

Один из многих журналистов, побывавших в квартире Сакурова, был буквально заморожен семейным антиквариатом:

«Отдельного упоминания достоин шкаф середины XIX века. У него необычная история, напоминающая скорее семейную легенду. Бабушка супруги художника была

из семьи обедневших дворян и дружила с семьей Чернышевских. В то время представители своего сословия помогали друг другу в обучении детей. И Ольга Сократовна Чернышевская также принимала участие в этом процессе. Через какое-то время часть вещей из дома Николая Гавриловича, в том числе и этот шкаф, были переданы воспитанникам. Теперь он занимает в доме художника почетное место...»

Источником вдохновения для настоящего художника служит весь окружающий мир, включая улицы и скверы родного Ярославля. Так, лавочка с изящными коваными ножками и поручнями из губернаторского сада увековечена Игорем Анатольевичем в романе «Коронация»: небезызвестный мистер Фрейби изображен на фронтисписе книги сидящим именно на ней. А правый флигель усадьбы Вахрамеева на улице Ушинского по прихоти художника превратился в московское жилище — во флигель усадьбы Эверт-Колокольцева, что на М. Никитской. Но этим дело по активному использованию родных пенат не закончилось.

«В педуниверситете Сакуров изучал особенности русского языка дореволюционного периода, — восторженно пишет корреспондент «Комсомольской правды». — Так, в отчестве героя романа «Азазель» Ксаверия Феофилактовича читатель видит не обычную «Ф», а изгибистую букву «фита». В Волковском театре Сакуров изучал детали старинных туалетов вплоть до пуговиц. Воссоздать интерьер комнат помогли в музеях истории города и «Музыка и время». Грамотно нарисовать «лошадиную экипировку» — на конно-кадетном дворе...»

В поисках платья нужного фасона или муфточки активно участвуют супруга художника Ольга и дочь Ксения. Кстати, дочь помогает при создании образов — с нее Сакуровым нарисованы многие героини акунинских книг. При необходимости живописец и сам идет на жертву: облачается в вышеупомянутое японское кимоно или сюртук, в зависимости от предлагаемых Акуниным обстоятельств... Скажете, семейный

подряд? Берите шире. Художник задействовал и однокурсников своих детей. А все почему?

— Фандорин оказался очень трудным персонажем, его образ лепился понемножку из разных людей, — признается Сакуров. — Не хочу называть их фамилии, так как они могут не очень позитивно отнестись к тому, что отдельные детали их внешности где-то использовались...

Так что каждая иллюстрация в фандоринском романе — результат многомесячной кропотливой работы. Высокий профессионализм художника по достоинству оценивают не только читатели, оставляющие свои отзывы на сайте Сакурова, но и сам Борис Акунин.

«Игорь Сакуров — мой давний соавтор по “Приключениям Эраста Фандорина”, а теперь еще и по серии “Роман-кино”, — пишет он в своем блоге. — Сейчас, когда искусство книжного иллюстратора стало почти реликтовым, Игорь — один из очень немногих настоящих мастеров этого сверхсложного, деликатного жанра. И мне, и моим читателям с ним очень повезло».

В 2007 году начали выходить «фильмы» романа-кино «Смерть на брудершафт» неистощимого на жанры и сюжеты Бориса Акунина. Все события вращаются вокруг противостояния двух разведок в Первую мировую войну. И снова писатель уверен: «Игорь Сакуров, мне кажется, вполне может считаться моим соавтором. Без его рисунков пропадет весь смысл затеи».

В творческих замыслах Акунина — новые приключения, в которых будет участвовать и ярославский художник. Например, сейчас он работает над созданием так называемых «стоп-кадров» к новым «фильмам», которые войдут в завершающую книгу киноромана. На очереди — путешествие Фандорина в предреволюционный Баку.

В работе книжного графика Игорю Сакурову помогает друг и дизайнер Максим Руданов. На счету творческого тандема не только произведения Бориса Акунина, но и книги Мастера Чэня, Александра Бушкова.

И снова получается, что ярославский художник и один из самых читаемых беллетристов России начала XXI века нашли друг друга, хотя никогда не встречались. Дело не только в том, что и тот, и другой жизни в столице предпочитают родную глубинку. Автор популярнейших детективов, боевиков, фэнтези, научной фантастики Александр Бушков, как и Борис Акунин, пишет книги, которых у него не было в детстве и юности.

Не в этом ли секрет таланта всех, кого я назвала выше? В умении обернуться лицом к мечтам детства и взяться воплощать их в жизнь...

Однако не будем забывать, что Игорь Сакуров не только иллюстратор книг, то есть человек, подчиняющий свой талант чужому